

У РАЗБИТОЙ ПЕЧИ

Текст: Сергей Виноградов

Сорок лет назад череповецкие доменщики стали учителями, коллегами, а потом и вовсе прототипами пьесы великого актера и режиссера Олега Ефремова. Впрочем, история их знакомства сама похожа на пьесу с одним главным героем и множественной массовкой.

В начале 70-х годов прошлого века Ефремов приехал в Череповец сниматься в фильме про металлургов «Нюркина жизнь»: работал, жил в гостинице, пил водку, ездил на рыбалку. Потом вернулся в Москву и поставил о череповецких сталеварах спектакль, за который получил Госпремию – впервые на мировой сцене театральный потолок коптила гигантская доменная печь. Через

двадцать лет о спектакле он вспоминал редко, говорил, что задуманное не получилось.

Нынешней осенью театральный мир широко отметил 85-летие Ефремова, до которого сам он не дожил. Фильм «Нюркина жизнь», снимавшийся в Череповце, также отметил юбилей – 40 лет со дня выхода на советские экраны. Правда, картину никто не вспомнил – она получилась не ахти.

«НЮРКИНА ЖИЗНЬ»

В 1971 году на череповецкий металлургический пришла директива: «Съемки фильма... московская делегация... предприятие вашего ведомства... заслуженные артисты СССР... оказать содействие». Лишь два слова выпадали из канцелярского слога – «Нюркина жизнь». Так называлась картина, очередная и типовая о счастливой судьбе советского рабочего. Она была из тех картин, про которые сатирик Григорий Горин позже скажет, что нам не было равных по количеству выпущенного на киноэкране металла, заготовленного леса и выращенного зерна.

Тем не менее знаменитостей фильму

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА
«НЮРКИНА ЖИЗНЬ»

хватало – кроме Олега Ефремова были заняты Нина Сазонова и Всеволод Санаев. Сюжет замечательно умещался в двух строках – он (Ефремов) прошел войну, был тяжело ранен и стал инвалидом. Все от него отвернулись, но он вновь нашел себя и любовь в труде на заводе. «Нюркина жизнь» лавров не снискала, и по телевизору ее показывают редко.

В то время в жизни актера Олега Ефремова был не лучший период – полоса не то что черная или белая, а серая какая-то. Вроде организовал свой театр, который создал почти с нуля, где каждый актер – однокурсник и друг, а каждая вторая актриса – прошлая или настоящая жена. Во МХАТе к тому времени еще года не покомандовал – спектаклей пока не ставил, присматривался. Давили традиции. Труппа, пригласившая ваяряга на княжение, не готова была меняться, но ждала от Олега Николаевича изменений. Прежде всего экономических (его и позволило, выражаясь сегодняшним сленгом, как «менеджера») – раздутый штат главного драмтеатра страны зарабатывал мало. Так что командировка в Череповец оказалась весьма кстати. Как говорят доктора, смена обстановки – лучшее лекарство.

МЕРТВЕЦ С КОНЬЯКОМ

Халтура халтурой, а снимали в Союзе качественно. Львиная доля отпущенного времени отдавалась на акклиматизацию, на то, чтобы дело героя стало делом актера.

– Перед съемками в цехе Олег Николаевич попросил познакомить его с опытным доменщиком, чтобы не сфальшивить в кадре. Выбор пал на меня, – рассказывал почетный металлург Георгий Быстров.

Так и пошло: смена, душ, автобус, все доменщики по домам, а один подручный сталевара – в шикарный номер гостиницы «Ленинград».

– Приходим как-то, стучимся, слышим знакомый по фильму голос: «Женщины с вами есть?» Оказывается, Ефремов в одних трусах расхаживал – жарко было, – вспоминал Георгий Михайлович.

У следующего эпизода гораздо больше свидетелей. По сценарию герой Олега Ефремова умирает, и его тело привозят для прощания на дому. Массовку собрали многосотенную (за участие в ней потом хорошо заплатили).

– Если коньяк в гроб не положат, не буду сниматься, – поставил ультиматум актер. Что делать, сбежали. Печальная сцена, заплаканные лица массовки крупным планом, отрешенное лицо Ефремова – руки скрещены на груди. «Снято», – кричит оператор, а «мертвец», сидя в гробу, уже хлещет продукт армянских виноделов.

Всё свободное время москвич Ефремов проводил вместе с череповчанином Быстрым. Сначала для правды в кадре, потом для себя. Подружились. Народный артист зачистил в маленькую квартирку Быстрых на бульваре Доменщиков. Ездили на рыбалку на реку Южок. Оба компанейские, общительные. Как вспоминает вдова Георгия Быстрова Юлия Васильевна, актер был вежлив и в быту непритворлив.

Во время одной из таких посиделок в хрущевке на Доменщиков заикнулись, что сейчас, мол, в местном Доме культуры выступает певец Трошин. Тот самый, который поет «Подмосковные вечера». Ефремов неожиданно встал и направился к телефону: «Сейчас позвоню, и он после концерта у тебя в квартире будет «Подмосковные...» петь». С большим трудом участники застолья уговорили оставить певца в покое.

ШУМНЫЙ ДЕБЮТ

Вернувшись в Москву, Ефремов загорелся идеей поставить спектакль про новых товарищей и бросился искать подходящую для постановки пьесу. Больше года прочитывал всё, что касалось рабочего класса. И заведующего литературной частью «напрягал». Загорелся – не потушишь, в творческой биографии такое произошло в первый и последний раз. Наконец нашел киносценарий молодого уральского драматурга Геннадия Бокарева. Вчерашнего заводчанина пригласили прочитать свое творение перед знаменитыми мхатовскими «стариками». Слушая растянутые на полсотни страниц сталеварские споры о том, что «нельзя рудить, пока металл холодный», старики, лично знавшие Станиславского, молчали: Яншин смотрел в пол, Грибов поминутно вздыхал, Андровская бросала вопросительные взгляды на всех присутствующих.

Но что бы ни сказали великие и заслуженные, ничего изменить уже было нельзя. Ефремов решил дебютировать шумно,

взорвав тихое заведение МХАТ. Спектакль назвали «Сталевары».

Художнику спектакля заказали огромную доменную печь. Хотя и была она из фанеры, дымила по-настоящему – дымовую установку, первую в СССР, специально привезли из США. На сцене горел огонь, поднимался и опускался настоящий лифт, и шла вода из душа, под которым мылись рабочие. На это чудо театрального прогресса зритель по-настоящему «ломанул». Билетов поначалу было не достать. Череповецкий режиссер Камерного театра Татьяна Макарова, в 1972 году юная и любопытная, по случаю оказалась в то время в Москве и не отказала себе в удовольствии погреться у доменного огонька. «Помню лишь Евстигнеева под душем», – говорит она. Евгений Евстигнеев играл одну из главных ролей. В «Сталеварах», кстати, свою первую театральную роль получил Борис Щербаков – Олег Ефремов лично просил военкома столицы не забирать перспективного актера в армию.

ДВА ЛАГЕРЯ

Несмотря на первый успех «Сталеваров», в стране столкнулись две крайности восприятия спектакля. С одной стороны, безоговорочное государственное ликование с присуждением Госпремии всем основным создателям, кроме автора Бокарева. С другой, непонимание интеллигенции: в 70-х от Ефремова отвернулся весь либеральный лагерь. «Продался», – был его вердикт.

Евстигнеев на заводе «Серп и Молот» готовился к роли в спектакле.

Михаил Козаков фактически из-за этого ушел из МХАТа, Александр Калягин, как сам признавался, после премьеры производственного спектакля, которого от «современника» Ефремова не ожидали, прорыдал весь вечер. Участвовал в общественных дискуссиях и сам режиссер, который упирал на то, что, мол, ни в чем не нарушил систему Станиславского, для которого одним из главных достоинств пьесы была его современность. Позже, правда, Олег Николаевич рассказывал, что в период работы над «Сталеварами» Станиславский ему снился. Грозил пальцем и зловеще шептал: «Не то ставишь, не то!»

КОЕ-ЧТО О ЗАПАХАХ

«Сталевары» шли по всей стране и за рубежом: в 1974-м стали фильмом, в

1987-м – оперой. Провинциальные театры заставляли ставить эту пьесу, что чрезвычайно обогащало ее автора Геннадия Бокарева.

– За постановку в МХАТе я получил три тысячи рублей. Половину машины купить можно, – рассказывал он. – А потом деньги пошли – вся страна вдруг захотела ставить меня, отчисляя авторские.

Один из критиков тогда сказал, что запах «всяких там вишневых садов» во МХАТе был вытеснен ароматом свежего металла. Он думал, что сказал комплимент.

Но следующей постановкой Олега Ефремова были чеховские «Три сестры» – вишней повеяло вновь. Всю оставшуюся творческую жизнь режиссер сторонился производственных пьес, а «Сталеваров», несмотря на шум и споры, считал неудачным опытом. Не получилось показать противоречивую жизнь советского рабочего, гамму его ежедневных размышлений и основы того «высочайшего нравственного кодекса», который он увидел еще в Череповце. Задумка разменялась на лозунги о необходимости честного и самозабвенного труда. В последние годы жизни Ефремов отзывался об этой работе и вовсе цинично: «Что ж такого? Поставил серую пьесу с серыми актерами. Только доменная печь там яркая, за это и Госпремию дали».

Дружба с Георгием Быстровым, обещавшая быть вечной, прекратилась через пару лет после окончания съемок «Нюркиной жизни». Олег Ефремов умер в 2000 году. Череповецкий доменщик пережил своего «подручного» лишь на несколько месяцев. Автор нашумевшей пьесы «Сталевары» Геннадий Бокарев скончался в начале 2012 года в Екатеринбурге.

Автор «Сталеваров» Геннадий Бокарев (на фото слева) скончался в начале 2012 года.

